

Elena Grechanaia

Французский язык как средство самоизображения: неизданный путевой дневник Анастасии Семеновны Хлюстиной (в замужестве Сиркур)

French Language as a Means of Self-Representation: the Unpublished Diary of Anastasiia Khliustina (Married Name Circourt).

The unpublished travel diary of Anastasiia Semenovna Khliustina (1808-1863, married name Countess de Circourt) which she composed in the years from 1827-1830, shows the need for humour and for artistic transfiguration of the autobiographical text. Khliustina continues the tradition of epistolary diaries, combines the French aristocratic culture components (conversation model, hilarity, joking register) and the 'sincerity', which is created by means of introspective passages. This introspection is based largely on the works of the French romantic writers, including Chateaubriand, Lamartine, Germaine de Staël. Madame de Staël is a key figure for the self-representation in the author's diary. Khliustina at the same time joins the opinion of her male entourage, who does not accept women's excessive ambition, and asserts 'the dignity of women', while maintaining the opinion that the French woman writer is an original creative person.

Написанные на французском языке автобиографические тексты россиян появляются во второй половине XVIII в. Это время распространения культуры Франции по всей Европе. Французский язык становится средством общения европейской аристократии и образованных кругов (Лотман, Розенцвейг 1994; Fumaroli 2001; Östman 2008; Dumanowski, Figeac, Chaline 2009; Гречаная 2010).

Первыми автобиографическими текстами, написанными россиянами по-французски, стали путевые дневники, призванные запечатлеть опыт путешествий по европейским странам. Авторы этих дневников – русские аристократы:

барон (позднее граф) А.С. Строганов (дневник 1752 и 1754 гг.), князь А.Б. Куракин (дневник 1770-1772 гг.), баронесса Н.М. Строганова (дневник 1780-1782 гг.), княгиня Н.П. Голицына (дневник 1783-1790 гг.), князь А.А. Голицын (дневник 1780-1787 гг.), княгиня Е.П. Бярятинская (дневник 1789-1797, см. об этих авторах: Gretchanaia, Viollet¹ 2008: 69-117; Гречаная 2010: 140 и далее), С.А. Колычев (дневник 1778 г.)². Все они владели русским языком, и французский был

¹ Общая характеристика и основная проблематика французских дневников российских женщин XVIII-XIX вв. дана в нашем предисловии к этому изданию.

² Государственный архив РФ (ГАРФ), фонд 855, оп. 1, ед. хр. 424.

очевидно избран ими как наиболее адекватный европейскому контексту их путевых записей. На этом 'языке Европы', как позднее, вслед за Вольтером³, определит французский язык Пушкин (Пушкин 1958: 363), они говорили не только во Франции, но и в Германии, Австрии, Италии, Швейцарии, Англии и других европейских странах. Французский язык делал проницаемой грань между разными культурными ареалами, позволял описать европейский мир в наиболее соответствующих ему терминах, представить себя как европейца, восприимчивого к иному культурному опыту.

Дневник повседневной жизни на французском языке известен, начиная с 1780-х годов: княгиня Н.П. Голицына является автором не только упомянутого выше путевого дневника, но и написанных ранее, предположительно в 1781-1783 гг., *Заметок о моей жизни* (*Remarques sur les événements de ma vie*), текста, носящего поначалу мемуарный характер, а затем переходящего в дневниковые записи событий жизни княгини (Gretchanaia, Viollet 2008: 79-89).

Первые известные дневники, как на французском, так и на русском языках, носят в России в

значительной мере характер хроник, то есть чуждой личностных акцентов регистрации внешних событий и впечатлений, что является также особенностью первых дневников в Европе (Lejeune, Bogaert 2006: 71-73). Распространение в XVIII в. жанра эпистолярного романа, ставшего одним из ведущих жанров 'чувствительной' литературы, появление таких ключевых произведений, как *Сентиментальное путешествие* (1768) и *Письма к Элизе* (1773) Л. Стерна, *Прогулки одинокого мечтателя* (1782) Ж.-Ж. Руссо, *Страдания молодого Вертера* (1774) Гете послужили примерами повествования изнутри о себе и своей жизни в дневниковой и/или эпистолярной форме. Для русских читателей помимо европейских произведений таким эпистолярно-дневниковым ориентиром автобиографического нарратива стали в конце XVIII в. также *Письма русского путешественника* (1791-1792) Н.М. Карамзина.

В то же время житийно-летописная традиция продолжает присутствовать на протяжении XVIII в. в повествованиях о своей жизни, написанных по-русски (Тартаковский 1991: 27-58), тогда как французский язык способствует усилению светского измерения русской культуры, традиционно укорененной в религии. Франкоязычные автобиографические тексты с самого начала опираются на европейские литературные модели: мемуары, путевые записки,

³ "Sa langue [de la nation française] est devenue la langue de l'Europe: tout y a contribué; les grands auteurs du siècle de Louis XIV, ceux qui les ont suivis; les pasteurs calvinistes réfugiés, qui ont porté l'éloquence, la méthode, dans les pays étrangers", Voltaire, *Le Siècle de Louis XIV*, chap. XXXII, «Des beaux arts».

псевдо-мемуары, эпистолярные романы, эпистолярные описания путешествий (такие, как, например, знаменитые *Письма об Италии*, 1788, Ж.-Б. Дюпати).

Ю.М. Лотман указал на значение в России французского языка и французских литературных моделей для сферы “внутренней, интимной и духовной жизни”: “Герои французской литературы создают формулы для самовыражения русских читателей” (Лотман 1994: 23). ‘Самовыражение’ в искусстве носит, как известно, условный характер, и равнозначно столь же условному самоизображению, то есть в данном случае речь должна идти о представлении самого автора и окружающего его мира при посредстве и сквозь призму французского языка и литературы.

Если в первых франкоязычных дневниках, как мужских, так и женских, прослеживается прежде всего традиция французских аристократических мемуаров с их редуцированным изображением авторского ‘я’, то к концу XVIII в. становятся более явственными элементы ‘чувствительной’ литературы, в том числе стернианская игра с собственным текстом.

В этот период мы встречаем такой интересный феномен, как французский дневник русской девушки, в котором зачастую демонстративно упраздняется зазор между жизнью и литературой, и берет верх игровое начало. Один из первых дневников такого рода

принадлежит Екатерине Петровне Чириковой (в замужестве Квашниной-Самариной; ок. 1780 – 1836), которая ведет его в 1795–1797 гг. (Gretchanaia, Viollet 2008: 127–149). Е.П. Чирикова поначалу в чувствительном регистре обращается к своим подругам, с которыми она рассталась по причине переезда из города в деревню, затем сосредоточивается на прихотливой фиксации своих различных чувств и зачастую придает своему дневнику романтический характер. При этом она не впадает в серьезность, а сохраняет шутливую, ироническую дистанцию по отношению к своим попыткам подражать Флориану, Руссо, Гесснеру (немецкие идиллии этого автора читались по большей части в Европе во французском переводе), Карамзину, одно из стихотворений которого она, судя по всему, переводит на французский.

Игровое самоизображение с отсылками к литературным образцам отличает и более поздние французские дневники русских девушек Е.В. Давыдовой (1839–1844), Н.В. Шаховской (1841–1842), Е.А. Сабуровой (в замужестве Фредерикс; дневник 1842, 1854, Gretchanaia, Viollet 2008: 321–331), а также двуязычный, русско-французский дневник А.А. Олениной 1828 г. (Савкина 2007: 127–146). Знаменитый дневник Марии Башкирцевой вполне вписывается в этот ряд.

Игра с литературой характери-

зует также неизданный и до сих пор не привлекавший внимания исследователей дневник 1827-1828 гг. Анастасии Семеновны Хлюстиной (1808-1863)⁴. В 1830 г. она вышла замуж за французского публициста и историка графа Адольфа де Сиркура. Анастасия де Сиркур известна как хозяйка салона в Париже, которая, как и ее муж, участвовала в приобщении французских читателей к русской литературе (Saladin 1881).

В 1826 г. она вместе с матерью, Верой Ивановной Хлюстиной, отправилась в путешествие по Европе, во время которого познакомилась с Адольфом де Сиркуром. В 1837 г. Анастасия обосновалась в Париже. Дневник ее хранится в Польской библиотеке в Париже в фонде Мицкевича, так как ее мать, дружившая с поэтом и его семьей, завещала часть своих бумаг сыну Мицкевича Владиславу, в том числе дневник дочери, в котором описываются встречи с Мицкевичем в Риме в декабре 1829 г., и ее письма, в которых он часто упоминается.

На титульном листе дневника Анастасии Хлюстиной значится: *Lettres inédites d'une sœur à ses frères ou Consolations de l'absente ou Journal pittoresque burlesque et sentimental de tous les faits et gestes de Melle Anastasie de Klustine. Ne se vend nulle part, pas même chez l'auteur. Écrit à Nice, Gênes, Milan,*

⁴ Кратко упомянуто об этом дневнике: Shur 1987: 371.

*Lausanne, Genève*⁵. Характерно, что в сходном шутилом регистре, в виде печатного издания, а не интимного, заведомо рукописного текста, представляет впоследствии свой дневник и Е.В. Давыдова: *Journal voyageur et fantastique d'une jeune fille de 16 ans. Édition première et dernière ornée de beaux dessins de l'ouvrage de l'auteur* (Gretchanaia, Viollet 2008: 260).

Анастасия пародирует знакомые ей литературные заглавия: *Consolations de ma captivité, ou Correspondance de Roucher* (1797), заглавие, под которым были опубликованы письма поэта Жана-Антуана Руше (казненного якобинцами вместе с Андре Шенье) к дочери из тюрьмы, *Voyage pittoresque de la Grèce* (1782-1822), знаменитое путешествие Огюста Шуазеля-Гуффье, и прочие многочисленные 'живописные путешествия' эпохи⁶. Что касается наименования *Lettres inédites*, то среди наиболее известных в ту эпоху публикаций под таким заглавием: 'неизданные письма' г-жи де Севинье, Вольтера, Руссо, королевы Марии-Антуанетты.

⁵ Société Historique et Littéraire Polonaise, Bibliothèque Polonaise de Paris, MAM-1013. Транскрипция Жана Даву (Jean Davoux). Благодарю за содействие Еву Рутковскую, заведующую Польской библиотекой в Париже. Дневник А.С. Хлюстиной разделен на три части, каждая из которых имеет свою пагинацию: 1. 30.10.1827-11.10.1828, 2. 16.10.1828-8.08.1829, 3. 8.08.1829-1.08.1830. Далее номера частей и листы указываются в тексте. Орфография подлинника сохранена.

⁶ Напр.: Richard de Saint-Non 1829, Bourgeois 1821.

На первой же странице дневника Анастасия противопоставляет игровому заглавию его критику: “Critique: Peu de gens tiennent ce qu’ils promettent, p[ou]rquoi le mien celui-ci ferait-il exception? Le Pittoresque ne feroit que de mauvais tableaux, le burlesque lourd, le sentimental froid. Note de l’Auteur”.

И далее она как будто подчеркивает дистанцию между литературой и жизнью: “Heureusement ou malheureusement pour moi, je ne suis pas romanesque, ainsi donc point d’aventure, point de conquêtes, point de rêves etc. etc. etc. Un mot – point de grands événements” (1, л. 15).

В то же время отсутствие ‘приключений’, ‘побед’ (очевидно, женских) и ‘мечтаний’, трех понятий, отсылающих соответственно к плутовскому роману, к французскому светскому роману типа *Опасных связей* П.-А.-Ф. Шодерло де Лакло и к сентиментальной и романтической литературе, не мешает четкому, литературно ориентированному оформлению автобиографического текста, и действенным средством этого оформления становятся французский язык и его литературный ‘шлейф’. Французский – прежде всего язык беседы (Fumaroli 2001: 113-210) и той беседы на расстоянии, какой являются письма. Анастасия адресует свой дневник братьям, которым одновременно пишет письма. Дневник в отличие от писем позволяет сделать при-

сутствие братьев более постоянным и почти непрерывно вести с ними беседу, *causerie*, легкий разговор в кругу друзей:

Je trouve trop triste, mes chers amis, de me contenter de v[ou]s écrire par les courriers, de loin en loin. Je veux me donner la douceur de causer tous les jours un moment avec v[ou]s; j’en ai besoin, p[ou]r me soulager un peu. Ainsi voici mon projet: tous les jours je v[ou]s rendrai compte des événements de la veille (1, л. 1).

Литературный прецедент писем и дневника, обращенных к тому же адресату, предлагало творчество Стерна, что было известно читателям его *Писем к Элизе* (фр. пер. 1784 ; русск. пер. 1793), в частности поэту М.Н. Муравьеву, который в 1797 г. во время поездки в Москву последовал примеру английского писателя, одновременно ведя обращенный к жене дневник и посылая ей письма (Зорин, 2012). Подобная практика продолжается в первой половине XIX в. в Европе (Simonet-Tenant 2009: 213-216), и ее свидетельства можно найти также в российских дневниках этой эпохи (Gretchanaia, Viollet 2008: 29, 37).

За неимением писем Анастасии к братьям мы не можем сравнить их с ее дневником. Что касается беседы, которую она ведет с ними в дневнике, то эта беседа выдержана в правилах светского общения: ее характерными чер-

тами являются спонтанность, небрежность, веселость, умение все обратить в шутку, которое, как отмечает автор дневника, отличается в особенности женщин, а роль женщин в создании в обществе атмосферы умеренного веселья была подчеркнута еще в начале XVII в. св. Франциском Сальским (Fumaroli 1998: 283-320). Этот автор Анастасии хорошо знаком, она ссылается на него, рассуждая о душе, и называет “славным” (“le bon St. François de Sales”, 1, л. 16). В нескольких фразах она не без юмора, что придает независимости ее высказываниям, резюмирует трактаты по искусству беседы и поведения в обществе, в изобилии представленные во Франции в XVII и XVIII вв.:

[...] comme n[ou]s causons, parlons plutôt de choses moins tristes (1, л.2). J'admire le beau désordre (qui n'est pas un effet de l'art) de mes récits... (1, л.4)
Les hommes prennent de l'humeur au moindre obstacle & en pareil cas, ce ne sont que des embarras de plus. N[ou]s autres femmes, n[ou]s prenions très bien notre parti, & tournions en plaisanterie tous nos petits malheurs (1, л.61).

Хороший тон, умение вести беседу, не впадая в педантизм – основные условия приятного времяпрепровождения, замечает Анастасия в полном согласии с требованиями французской галантной культуры (Viala 2008), и этим

условиям в ее дневнике отвечает прежде всего она сама и то общество, которое ее окружает. Она особенно высоко ценит общество Женевы. Дневник представляет русскую девушку как вполне владеющую искусством общежития, ни в чем не уступающую парижанкам, которая в женевском обществе становится предметом восхищения престарелого швейцарского писателя и ученого барона Шарля-Виктора де Бонштеттена (1745-1832), непосредственного продолжателя французских культурных традиций. В молодости он общался с Вольтером в Ферне, а позднее с Жерменой де Сталь и ее друзьями в Коппе. Анастасия уделяет особое внимание отчету о своих встречах и беседах с Бонштеттеном, который, как она утверждает, был поражен ее умом и широким кругом ее интересов, не ограниченным “платьями и тряпками” (“M^r de B[onstetten] semblait si étonné de voir qu'à mon âge, on peut parler avec chaleur de ce qui n'était ni robe, ni chiffons”, 1, л. 71). Фигура Бонштеттена, олицетворявшего французский XVIII век, прославившегося своим искусством беседы и сохранившего до глубокой старости веселый, общительный нрав, становится тем фоном, который придает яркость и содержательность автопортрету Анастасии: она говорит с ним на общем языке французской культуры и предстает как равная этому философу и светскому человеку.

Общество Бонштеттена заставляет Анастасию постоянно ощущать незримое присутствие Жермены де Сталь, его близкой знакомой, о которой она часто рассказывает. Знаменитая писательница является для Анастасии безусловным, хотя и неоднозначным ориентиром. В 1830 г. А.С. Хлюстина опубликовала в женевском журнале «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts» обзор русской литературы все в той же форме письма-беседы, включив в него свои переводы (прозой) стихотворений ведущих русских поэтов⁷, а в 1832 г. в том же журнале были напечатаны также описания ее поездок по Италии. В публикациях ее имя отсутствует, но указание на автора как на “demoiselle russe” было понятно для ее знакомых.

В дневнике она пишет по поводу своей первой публикации, что ее ‘статья’ имела успех, что она хотела бы и могла бы заниматься литературой (3, л. 124). Чтение произведений г-жи де Сталь вызывает у нее восторг (“Elle [Mme de Staël] me transporte. Quel dommage que Legouvé⁸ ne l’ait pas connue, comme il aurait chanté ses louanges”, 1, л. 16), но и здесь она сохраняет дистанцию, переводя

свой восторг в шуточный регистр. Так, она пишет, обращаясь к братьям: “V[ou]s allez me trouver bien raisonneuse, en voici deux raisons, je lis Mme de Staël, & il m’a poussé une dent de sagesse” (1, л. 15). Записывая в дневнике анекдот из жизни Ж. де Сталь, рассказанный Бонштеттенем, Анастасия подсмеивается над ее экзальтированностью и романтической склонностью к таинственному: принимая в Коппе Байрона, писательница, уже воображавшая “поэму в двенадцати песнях о подлинной Коринне”, которую он напишет (1, л. 77), была заинтригована рассказами о “белом призраке”, сопровождающем поэта во время прогулок на озере лунными ночами. На ее вопрос Байрон ответил, что это его верный пес (1, л. 78).

Анастасия, которая рисует свой далеко не обычный портрет, не скрывает своего честолюбия, воспроизводит адресованные ей в обществе похвалы, утверждает, что женщинам в силу их зависимого положения самолюбие свойственно в большей мере, чем мужчинам, что она чувствует в душе “бури и ураганы” (3, л. 125), как будто отказывается в то же время жертвовать “простотой и скромностью”, украшающими, как она пишет, женщину лучше всяких талантов. Ее рассуждения такого рода и соответствующая им критика г-жи де Сталь, которую она осуждает за чрезмерные страсти, то есть по сути за те же “бури и ураганы”, –

⁷ *Lettre sur l'état actuel de la littérature russe, par une demoiselle russe*, in «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts», 1830, t. XXXXII, pp. 247-267.

⁸ Габриэль-Мари Легуве (1764-1812) был автором поэмы *Достоинство женщин* (*Le mérite des femmes*, 1801).

отзвук ее бесед с Бонштеттенем. Ей близок его не терпящий ничего экстравагантного “совершенный такт”, который приобретается в лоне аристократической культуры:

Les vertus d'une femme ne peuvent pas être mises au grand jour, sans qu'elles ne perdent beaucoup de leurs plus beaux ornements, la simplicité & la modestie. Telle devait être, je crois la position de Mme de Staël, elle savait & pouvait beaucoup, mais un orgueil excessif la portait à désirer toujours davantage. Jamais contente de ce qu'elle possédait, elle était dévorée, rongée par des désirs sans fin. En proie à des passions vives, elle semblait un volcan. Aimable & bonne, elle n'a jamais joui d'aucun de ses avantages, elle disait toujours qu'elle les eût tous donné p[ou]r être belle. Avec tout son esprit Mme de Staël était fort peu estimable dans son intérieur, cela repousse un homme qui a des sentiments délicats. Ce qui me plaît surtout dans M^r de B[onstetten]. C'est un tact parfait sur ce qu'une femme doit être (1, л. 60).

По свидетельству А.И. Тургенева, общавшегося с Анастасией в Женеве в 1830 г., окружавшие ее в Швейцарии видные писатели и ученые – Бонштеттен, Сисмонди, Пирам де Кандоль – “беспрестанно сравнивают ее с Mad[ame] Stahl” (Азадовский 2011: 16). Хотя, возможно, эти сравнения были не в пользу французской писательницы, поскольку Анастасия порой усваивает ироническое отношение к ней, г-жа де Сталь не перестает служить образцом для русской де-

вушки.

Неоднозначное отношение к Жермене де Сталь и высказываемые автором дневника сомнения в том, что женщина может без ущерба для себя занять место на общественной сцене, то есть усвоение тех моделей женской идентичности, которые общество признает ‘нормальными’ (Савкина 2007: 180), сочетаются в то же время с признанием и утверждением роли женщин в истории и литературе. Вторая часть дневника начинается обширной итальянской цитатой из *Неустового Орlando* Ариосто, в которой превозносятся выдающиеся женщины, после чего Анастасия по-французски применяет цитату к своей “книге”, как она, подобно другим авторам, называет свой дневник, которую она хочет видеть достойной великих жен прошлых времен:

*Le donne antique hanno mirabil cose
Fatto nell'arme e nelle sacre Muse ;
E di lor opre belle e gloriose
Gran lume in tutto il mondo si diffuse.
Arpalice e Camilla son famose,
Perchè in battaglia erano esperte ed use:
Saffo e Corinna, perchè furon dotte,
Splendono illustri, e mai non veggono notte*

*Le donne son venute in eccellenza
Di ciascun'arte, ove hanno posto cura;*

*E qualunque all'istorie abbia avvertenza,
Ne sente ancor la fama non oscura.*

*Se'l mondo n'è gran tempo stato senza,
Non però sempre il mal influsso dura.
E forse ascosi han lor debiti onori
L'invidia, o il non saper degli scrittori.
Ben mi par di veder ch'al secol nostro
Tanta virtù tra belle donne emerga,
Che può dare opra a carte et ad inchio-
stro,
Perche nei futuri anni si disperga,
E perchè, odiose lingue, il mal dir vo-
stro
Con vostra eterna infamia si som[m]e-
rga.
(L'Arioste. CXX.)*

Une telle épigraphe pourrait sembler présomptueuse, p[ou]r les bêtises que ce livre va contenir, mais en la relisant, je me remplirai l'esprit de tout ce qu'une femme peut être, & qui sait si mon imagination réchauffée, ne saura pas produire quelque chose qui ait le sens commun (2, л. 1).

Анастасия не перестает пребывать в литературном поле и зачастую рассказывать о себе словами литературных произведений, в первую очередь французских писателей. У Фенелона она находит “фразу, в которой он говорит за меня” (“une phrase où il a parlé p[ou]r moi”, 1, л. 13). Ей нужно “перо Шатобриана” (1, л. 20), чтобы описать дорогу в Геную. А при виде Рима она присваивает себе те чувства, которые описал тот же Шатобриан, слегка изменив цитату из *Гения христианства* и заменив мужской род на женский:

Avant d'entrer dans Rome,
j'éprouvais absolument ce que

dit Chateaubriand: Je me sentais inquiète, agitée & dans l'attente de quelque chose d'inconnu; un plaisir inouï, une crainte extraordinaire, faisaient palpiter mon cœur, comme si j'allais être admise à quelque secret de la Divinité (2, л. 74)⁹.

Вид из окна на осенний пейзаж описывается в ее дневнике сквозь призму “стихотворений о падении листьев” (“poèmes sur la chute des feuilles”, 1, л. 97), то есть прежде всего знаменитой элегии Шарля Мильвуа *La chute des feuilles* (1811). При этом она замечает, что не подвержена меланхолии, но соглашается с романтиками, воспевающими “сладостную мечтательность”, и продолжает их размышления (“je prolonge ces observations que les romantiques appellent *douce rêverie*, et je ne dirai pas le contraire”, Ibid.). Автор дневника находится в постоянном диалоге с писателями, возмущается тем, что из-за “холодных романистов” и их утрированных описаний луна вызывает смех (2, л. 4), вступает в состязание с Ламартином, автором сборника *Méditations poétiques* (1820), создавая в прозе, как она уверена, не менее глубокое “поэтическое раздумье” (“ma méditation était poétique,

⁹ “Le voyageur s’assied sur le tronc d’un chêne, pour attendre le jour; il regarde tour à tour l’astre des nuits, les ténèbres, le fleuve; il se sent inquiet, agité, et dans l’attente de quelque chose d’inconnu; un plaisir inouï, une crainte extraordinaire font palpiter son sein, comme s’il allait être admis à quelque secret de la Divinité...” (Chateaubriand 1966: 316).

n'en déplaît à Mr de la Martine, je ne sais pas la raconter en beaux vers, mais le sentiment d'admiration n'en est pas moins profond", Ibid.).

Дневник Анастасии Хлюстиной лишь изредка включает написанные кириллицей русские имена слуг ('Прасковья', 'Захар'), сказанные ими фразы (горничная о Наполеоне: "Жалко, что такой умник помер", 2, л. 4) и отдельные слова ("морские языки", 1, л. 10). При этом автор культивирует романтический патриотизм, истоки которого находятся, как известно, в творчестве Руссо, и неизменно представляет по-французски себя как русскую патриотку, которая гордится своей родиной и подвержена приступам ностальгии:

[...] mon cœur est resté le même, profondément Russe, j'aime mieux les neiges, qui développent encore plus la chaleur du cœur, il me semble que dans tous les pays, la nature a mis une part égale de calorique, en Italie elle est dans l'air, & enflamme même les hommes p[ou]r un moment, en Russie elle s'est réfugiée dans les âmes. Chère patrie! quand te reverrai-je, j'ai par moments des accès de mal du pays, & ce me semble la plus affreuse des maladies (1, л. 102).

Написанный по-французски дневник хранит многочисленные следы свободного владения также немецким, английским и итальянским. Анастасия из всех языков наиболее высоко ставит русский (хотя доля его в тексте дневника

минимальна), весьма почитает английский, вслед за Ж. де Сталь считает немецкий туманным¹⁰, а французский оценивает исходя из стереотипных представлений, упрекая его в легковесности, чрезмерной гладкости, отсутствии энергии (Philippe 2010):

J'aime beaucoup la langue Anglaise p[ou]r tout ce qui est raisonnement, elle est claire, précise, ne permet pas la prolixité, & peint bien tout ce qui est abstrait ou profond. La langue Française n'est pas à mon avis assez énergique p[ou]r les vérités d'une morale relevée [...] L'Allemand est trop vague, les Philosophes de Gue-ttingen ne comprennent pas souvent eux-mêmes, ce qu'ils veulent exprimer, leur langage s'en ressent. En général, il me semble que les langues ont toujours du rapport avec les peuples, ainsi l'Anglais est précis, l'Allemand obscur, le Français léger, le Russe plein de sensibilité & d'énergie, l'Italien moux... (2, л. 63).

Готовые, отшлифованные фразы связываются с неискренностью, в которой обвиняются французы:

[...] les sentiments qui sont exprimés par des phrases touchantes & bien arondies ne me sensibilisent guère... [...] Les Français ont une grande facilité d'exprimer avec un air naturel ce que souvent ils ne sentent pas. L'affectation qu'ils sucent avec le lait, s'identifie avec toutes leurs pensées

¹⁰ Mme de Staël, *De l'Allemagne*, Partie 1, chap. XII, De la langue allemande dans ses rapports avec l'esprit de la conversation.

si bien, qu'elle devient une seconde nature, & produire de l'effet, étant le but de toutes leurs actions ne leur donne même plus la peine du calcul. Je ne veux pourtant pas dire une malice. N[ou]s avons été à même de voir dans l'intimité, les Français les plus distingués dans toutes les différentes sociétés, & j'avoue que je n'ai pas vu une seule femme qui eût vraiment du cœur (2, л. 84).

Сходную критику французского языка и французов вообще можно встретить в других автобиографических текстах россиян. Так, Варвара Петровна Шереметева (урожденная Алмазова; 1786-1857) сетует по-русски, что ведет во время поездки из Москвы в Петербург свой эпистолярный дневник 1825-1826 гг. по-французски: "[...] я не знаю, отчего я все объясняюсь на французском диалекте, пишу весьма худо и верите ли, что иногда останавливаюсь, не знаю, как написать..."¹¹. Граф Г.И. Чернышев и граф Ф.В. Ростопчин по-французски расточают нелестные характеристики Франции, Парижа и французов¹².

Французский таким образом – язык не любимый, но без которого нельзя обойтись в определенном социо-культурном и литератур-

ном контексте. Путевой дневник А. Хлюстиной вписан в европейское культурное поле и, несмотря на присутствие патриотической составляющей, упраздняет национальные границы. Язык диктует свои правила самоизображения. Анастасия сочетает восходящие к французской аристократической культуре XVII – XVIII вв. жанр легкой беседы, шутливый регистр, анекдотическую составляющую и определенную установку на искренность и глубину, которые создаются при посредстве интроспективных пассажей. Эта интроспекция помимо пиетистской традиции, представленной в дневнике ссылками на труды Иоанна Генриха Цшоке (1771-1848), немецкого писателя и педагога, обосновавшегося в Швейцарии, опирается также на французские произведения более 'серьезной' по сравнению с образцами галантной литературы XVII – XVIII вв., романтической ориентации, в том числе Шатобриана и Ламартина. Что касается Жермены де Сталь, то ее фигура является ключевой для самоизображения автора дневника: Анастасия одновременно присоединяется к мнению своего мужского окружения, не приемлющего чрезмерных женских амбиций, и утверждает "достоинство женщин", сохраняя ориентацию на французскую писательницу как на незаурядную творческую личность.

Французский язык позволяет автору дневника сочетать две ли-

¹¹ Российский государственный архив древних актов, фонд 1287, оп. 1, ед. хр. 5160, л. 38.

¹² Письма графа Г.И. Чернышева разным лицам, 1813-1816, Государственный архив Российской Федерации, фонд 1713, оп. 2, ед. хр. 287, л. 9; ед. хр. 337, л. 84, 1670б.; *Œuvres inédites du Comte Rostoptchine*, Paris, Dentu, s.d., pp. 90, 120, 143-145.

тературные модели, которые не вступают в противоречие благодаря сохраняемой по отношению к ним дистанции. Автопортрет, отсылающий к обеим моделям, не становится ни в полной мере светски-галантным, ни в полной мере романтическим. 'Я' претендует на независимость и непосредственность, свободное перемещение в европейском поле, способность обыгрывать 'чужое' и превращать его в 'свое' при посредстве единого языка культуры.

Библиография

Азадовский 2011: К.М. Азадовский, *Еще раз о Ламартине, Западный сборник. В честь 80-летия Петра Романовича Заборова*, издательство Пушкинского дома, Санкт-Петербург, 2011, с. 7-22.

Гречаная 2010: Е.П. Гречаная, *Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII - первая половина XIX века)*, ИМЛИ РАН, Москва, 2010.

Зорин 2012: А.Зорин, *Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева*, «Новое литературное обозрение», 2011, CX, с. 188-201, <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/z022-pr.html>, см. 26 авг. 2012.

Лотман, Розенцвейг 1994: Ю.М. Лотман, В.Ю. Розенцвейг (сост.), *Русская литература на французском языке. Тексты русских писателей XVIII - XIX века – La littérature russe d'expression française. Textes français d'écrivains russes. XVIIIe-XIXe siècles*, «Wiener Slawistischer Almanach» Sonderband 36. Wien, 1994.

Лотман 1994: Ю.М. Лотман, *Русская литература на французском языке*, // Ю.М. Лотман, В.Ю. Розенцвейг (сост.), *Русская литература на французском языке. Тексты русских писателей XVIII - XIX века – La littérature russe d'expression française. Textes français d'écrivains russes. XVIIIe-XIXe siècles*, «Wiener Slawistischer Almanach», Sonderband 36, Wien, 1994, с. 10-53.

Пушкин 1958: А.С. Пушкин, *Полн. собр. соч. в десяти томах*, т. X, АН СССР, Москва, 1958.

Савкина 2007: И.Савкина, *Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века*, НЛО, Москва, 2007.

Тартаковский 1991: А.Г. Тартаковский, *Русская мемуаристика (XVIII – первая половина XIX века)*, Наука, Москва, 1991.

Bourgeois 1821: C. Bourgeois, *Voyage pittoresque à la Grande-Chartreuse, suivi de quelques vues prises dans les environs de ce monastère*, Delpech, Paris, 1821.

Chateaubriand 1966: R. Chateaubriand, *Génie du christianisme*, Seconde partie, Livre IV, chap. 1, GF, Paris, 1966.

Dumanowski, Figeac, Chaline 2009: J. Dumanowski, M. Figeac, O. Chaline (dir.), *Le Rayonnement du français en Europe centrale du XVIIe siècle à nos jours*, Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, Pessac, 2009.

Fumaroli 1994: M. Fumaroli, *Trois institutions littéraires*, Gallimard, Paris, 1994.

Fumaroli 1998: M. Fumaroli, *L'art de la conversation, ou le Forum du royaume*, M. Fumaroli, *La diplomatie de l'esprit*, Hermann, Paris, 1998, pp. 283-320.

Fumaroli 2001: M. Fumaroli, *Quand l'Europe parlait français*, Éd. de Fallois, Paris, 2001.

Gretchanaia, Viollet 2008: E. Gretchanaia, C. Viollet (dir.), *Si tu lis jamais ce journal... Diaristes russes francophones. 1780-1854*, CNRS éditions, Paris, 2008.

Lejeune, Bogaert 2006: Ph. Lejeune, C. Bogaert, *Le journal intime. Histoire et anthologie*, Textuel, Paris, 2006.

Östman 2008: M. et H. Östman (dir.), *Au champ d'Apollon. Écrits d'expression française produits en Suède. 1550-2006*, Kungl. Vitterhets historia och antikvitets akademien, Stockholm, 2008.

Philippe 2010: G. Philippe, *Le français, dernière des langues. Histoire d'un procès littéraire*, PUF, Paris, 2010.

Richard de Saint-Non 1829: J.-C. Richard de Saint-Non, *Voyage pittoresque à Naples et en Sicile. Nouvelle édition corrigée, augmentée... par P.-J. Charrin*, Dufour, Paris, 1829.

Saladin 1881: J.-M. Saladin, *Le comte de Circourt, son temps, ses écrits. Madame de Circourt, son salon, ses correspondances*, A. Quantain, Paris, 1881.

Simonet-Tenant 2009: F. Simonet-Tenant, *Journal personnel et correspondance (1785-1939) ou les affinités électives*, Academia Bruylant, Louvain-la-Neuve, 2009.

Shur 1987: L. Shur, *Пушкинские материалы в Польской библиотеке в Париже*, «Revue des études slaves», 1987, IL-59, I-II, pp. 367-374.

Viala 2008: A. Viala, *La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle de ses origines jusqu'à la révolution*, PUPS, Paris, 2008.